

Когда Лин Си, весь в крови, переступил порог дома, сердце Хо Цзюя едва не остановилось. Он несколько секунд молча смотрел на юношу, прежде чем сумел выдавить из себя:

— Ты... что с тобой случилось?

— Не повезло, наткнулся на тигра, — ответил Лин Си спокойно, словно говорил о том, что ел на ужин.

У Хо Цзюя похолодело внутри. Он поспешно шагнул вперёд, руки дрожали, движения не прекращались ни на миг.

— Где ты ранен? — хрипло спросил он, с серьёзным, почти испуганным выражением лица.

— Да почти нигде, — Лин Си, которого уже переворачивали и осматривали со всех сторон, поспешно остановил его.

— Если ты не ранен, откуда тогда столько крови?! Не смей мне врать! — голос Хо Цзюя сорвался и невольно стал громче.

Когда на него вдруг накричали, Лин Си опешил. Увидев его растерянное лицо, Хо Цзюй тут же понял, что перегнул палку.

— Прости... я не хотел на тебя кричать.

Лин Си сглотнул, приходя в себя, и терпеливо пояснил:

— Правда, со мной почти ничего не случилось. Это кровь тигра. Я его чуть не прикончил, просто зазевался, и он сумел уйти.

Сказав это, он всё ещё выглядел недовольным и добавил:

— А ведь я мог принести тебе целого тигра. Его бы хорошо продали, и деньги на лечение твоей ноги сразу бы нашлись.

— Упустил его... Это все моя вина. За эти дни я расслабился, обленился, не тренировался ни днём ни ночью, вот и форма заметно упала.

Если бы это был мир после катастрофы, с его нынешними навыками он, пожалуй, уже давно стал бы добычей мутировавших растений или зверей.

Лин Си яростно замотал головой, словно болванчик. Нет, так дело не пойдёт. Базовые

тренировки нужно срочно возвращать. И этот мир вовсе не такой уж мирный, кто знает, не превратится ли он однажды в сплошную смуту. По крайней мере, у него должны быть силы, чтобы сохранить себе жизнь.

Он уже утонул в собственных мыслях, когда вдруг почувствовал тепло на талии: Хо Цзюй неожиданно притянул его к себе и крепко обнял.

— Эй, не надо... — Лин Си принялся вырываться. - Я весь в крови. Ты только что вымылся, ещё испачкаю тебя.

Но, услышав это, Хо Цзюй не только не отпустил его, а наоборот, сжал ещё сильнее, обхватив так, словно заковал в объятиях цепями.

Раз сам Хо Цзюй не возражал, Лин Си перестал сопротивляться. Он не понимал, с чего вдруг тот решил его обнять, но и отторжения не испытывал. Он просто застыл, как ростовая кукла, позволяя мужчине держать себя столько, сколько тому было нужно.

Долгое время спустя у самого уха раздался низкий, приглушённый голос:

— Хорошо, что с тобой всё в порядке.

Словно чувства, копившиеся слишком долго, были бережно спрятаны в старый граммофон, запечатаны временем, и теперь медленно, осторожно выпускались наружу.

У Лин Си без всякой причины сильно кольнуло в груди. Это напоминало приступ гипогликемии: в голове помутилось, сердце забило неровно, дыхание сбилось, и лишь когда ему дали глоток глюкозы, состояние немного отпустило.

Пережив ночью опасную, леденящую душу схватку, Лин Си наспех ополоснулся во дворе и, окутанный свежим ароматом соснового мыла, вернулся в дом.

Видимо, сказалась усталость - стоило голове коснуться подушки, как он мгновенно провалился в глубокий, сладкий сон. А вот мужчина рядом так и пролежал с открытыми глазами до самого рассвета, с тёмными кругами под глазами.

— Поспи ещё, — сказал Лин Си, уже одевшись и небрежно перехватив длинные волосы тканевой лентой. — Сегодня ничего такого, где нужна твоя помощь. Оставайся дома.

Он попробовал несколько раз, но волосы всё равно торчали в разные стороны, как растрёпанное гнездо.

— Ладно, и так сойдёт.

В конце концов, в глазах окружающих он уже замужем, какая уж тут забота об имидже.

Если наряжаться слишком броско и нарочито ярко, в деревне это скорее навлечёт сплетни. Достаточно вспомнить Чжао Сюцзюань: прежде, пока за ней держалась репутация, о ней не судачили, а теперь не только за спиной, но и в лицо нередко бросают колкие, двусмысленные слова.

— Подойди, — Хо Цзюй сел в постели и поманил Лин Си рукой.

Он полулежал, опершись на изголовье. Чёрные волосы рассыпались по плечам, как водопад, а аккуратная нательная одежда за ночь стала свободной и распахнутой. Чётко очерченные грудные мышцы без всякого стеснения открывались взгляду.

Лин Си машинально повернулся и едва не сглотнул слюну. Картина была до невозможности соблазнительной. Это что, ему правда позволено смотреть на такое бесплатно?

С чего это Хо Цзюй сегодня с утра так щедр?

Если бы каждое утро начиналось с подобного «будильника», он, пожалуй, навсегда забыл бы, что такое валяться в постели.

Почувствовав слишком уж откровенный взгляд Лин Си, Хо Цзюй опустил голову. Его лицо мгновенно потемнело, и он резким движением стянул ворот, плотно прикрыв всё это весеннее великолепие.

Он так и знал: с таким чопорным и прямолинейным складом ума Хо Цзюя вряд ли мог внезапно прозреть и добровольно «продавать» свою внешность. Так и вышло.

— Причёсываться будем? — сухо спросил Хо Цзюэ.

Лин Си тут же метнулся к нему с расчёской в руках, опасаясь, что даже эту крошечную «льготу» у него сейчас отберут.

Будучи старшим сыном в доме Хо Юндэна, Хо Цзюй с детства считал заботу о младших братьях и сёстрах своей обязанностью. Одеть ребёнка, накормить, причесать - всё это он умел в совершенстве. Дай ему в руки любого малыша, и он без преувеличения выглядел бы опытным воспитателем.

— Вау, как гладко получилось! — изумлённо воскликнул Лин Си, перехватывая расчёску и внимательно её осматривая. — Почему, когда я расчёсываюсь, волосы всегда торчат во все стороны? Ты что, намазал расчёску гелем?

Очевидно, расчёска была самой обычной, ничем не примечательной.

Хо Цзюй не вполне понимал некоторые его слова, но, глядя на преувеличенно восторженную реакцию Лин Си, невольно ощущал, как у него улучшается настроение. Этот человек умел каким-то образом делать окружающих чуточку счастливее.

Когда причёска была готова, Лин Си уже шагнул за порог, но вдруг остановился, отдернул ногу назад, откинулся корпусом и, моргая, в крайне неудобной позе спросил:

— Брат Хо, можно тебя кое о чём попросить?

Хо Цзюй ни согласился, ни отказал:

— О чём?

Лин Си с улыбкой достал остатки туши, кисть и красную бумагу и набросал на листе простой рисунок.

Хо Цзюй нахмурился, вглядываясь:

— Соломенные сандалии?

— Нет, — покачал головой Лин Си. — Это называется «тапочки».

И он вполне серьёзно начал объяснять, для чего нужны тапочки, насколько это удобная вещь и почему они - предмет первой необходимости в быту.

В знатных семьях к одежде и манерам относились крайне строго: даже находясь в собственном дворе, юноши и девушки должны были выглядеть опрятно и держаться подобающим образом, всему их с детства обучали специальные наставницы. Такая вещь, как тапочки - небрежная, лишённая всякого церемонного лоска, - в глазах аристократии наверняка сочли бы признаком распушенности и поводом для упреков в «поругании приличий». Но деревня - совсем другое дело. Здесь хватало бедняков, у которых и обуви-то нормальной не было, а в голодные годы люди и вовсе ходили в лохмотьях. Кому здесь было дело до каких-то тапочек?

Тем более что тапочки носят в основном дома. Даже если вдруг найдётся какой-нибудь человек с помутнённым разумом и избыточной любовью к «приличиям», который зайвится в чужой дом с нравочениями, разве он не боится получить по голове?

— И ещё... если будет время, можешь сшить мне несколько комплектов домашней одежды? Я уже несколько вещей испортил при стирке, — Лин Си с несчастным видом посмотрел на мужчину. Сила у него была слишком большая: стоило на секунду отвлечься, и тонкую летнюю

рубаху можно было безнадежно испортить.

Хо Цзюй внимательно посмотрел на него, вздохнул и потер висок:

— Оставь здесь.

— Ты самый лучший, спасибо! — Лин Си просиял и звонко чмокнул Хо Цзюя в щёку.

Лишь когда он уже выбежал из комнаты, Хо Цзюй пришёл в себя. Он медленно коснулся пальцами того места, куда его поцеловали, и кончики ушей постепенно налились жаром.

— Он сказал, что я самый лучший...

Перед глазами у него лежала алая бумага, та самая, из которой на свадьбу вырезали иероглифы счастья. Он пробормотал это почти шёпотом и кончиками пальцев осторожно провёл по поверхности красной бумаги.

А во дворе Лин Си, грызя лепёшку, которую накануне испекла с запасом бабушка У, смотрел на поднимающееся солнце и мечтательно вздыхал:

— Вот бы сейчас ещё чашку соевого молока...

К сожалению, под рукой была лишь кипячёная вода, пришлось довольствоваться ею.

Позавтракав, Лин Си принялся перебирать свиные щетинки: слишком толстые и жёсткие он сразу отбрасывал, такими легко поранить дёсны. Ручки для зубных щёток он решил делать из бамбука. Бамбук в этих местах рос повсюду, добыть его было проще, чем дерево, да и зубные щётки всё равно нужно регулярно менять. Делать их слишком прочными не имело смысла. К тому же бамбук лёгкий и удобно ложится в руку.

Разделив щетину на небольшие пучки, Лин Си взял отшлифованные бамбуковые заготовки с чуть расширенными концами и просверлил в них несколько отверстий. Оставалось лишь продеть в них щетину, подровнять, и щётка будет готова.

Не зная, было ли это из-за мнительности или нет, Лин Си всё же переживал, что свиная щетина очищена недостаточно тщательно. Он решил после перегонки вина взять немного спирта для обеззараживания, а уже потом продолжить работу.

Отложив всё в сторону, Лин Си вышел во двор проверить землю, которую вскопал накануне. Корни сорняков и прочий мусор были выворочены наружу и за день на солнце полностью высохли. Он прикрыл глаза ладонью, взглянул на палящее солнце - стояла самая середина лета, зной был нещадный. Стоило постоять совсем немного, и он уже обливался потом,

отчаянно скучая по кондиционеру.

К счастью, он прошёл специальную термоустойчивую подготовку, и нынешняя жара всё ещё находилась в пределах его комфорта. Самым тяжёлым в воспоминаниях оставалось задание в тропических дождевых лесах: повсюду мутировавшие растения, которых невозможно было истребить полностью. Но ещё страшнее были резкие перепады - то невыносимый зной, то внезапные ливни. После дождя наружу выползали насекомые, которые, пользуясь малейшей неосторожностью, забирались под одежду, впивались в кожу, высасывали кровь, а некоторые и вовсе проникали в плоть и сосуды, откладывая яйца. Вернувшись с той операции, Лин Си ещё целую неделю не мог избавиться от навязчивых мыслей о насекомых.

Он вздрогнул, силой воли отогнал от себя эти вызывающие мурашки воспоминания, достал сделанное им огниво и развёл небольшой костёр, заодно собрав поблизости животный навоз. Древесная зола и навоз - отличное удобрение. Земля возле его дома была крайне бедной, и если он хотел, чтобы деревья прижились и на следующий год дали плоды, нужно было заранее как следует подготовить почву.

Присев рядом с огнём, Лин Си тихо пробормотал:

— Поджёт гору - сел в тюрьму...

Хотя он и находился в древности, наказания за поджоги здесь были ничуть не мягче. Убийство и поджог нередко ставили в один ряд, огонь всегда считался тяжким преступлением. В те времена дома в основном крыли соломой, стояли они вплотную друг к другу, средств для тушения почти не было, а скорость реагирования оставляла желать лучшего. Подождёшь дом у въезда в деревню, и не заметишь, как огонь доберётся до самого её конца. Наберёшь воды из реки, побежишь тушить, а дом уже дотла сгорел.

Лин Си опасался, что порыв ветра раздует огонь, поэтому заранее выкопал противопожарную полосу, чтобы исключить любые неожиданности. К счастью, всё прошло благополучно: когда последний костёр погас, никаких бедствий не произошло.

— Какой дым! Лин Си, у тебя дом загорелся?! — с лопатой в руках, запыхавшись, примчалась Чжао Даньгуй.

Вскоре подошла и Лю Шуфэнь, а за ними потянулись и другие жители деревни.

— Ничего не горит, тётушка, я навоз сжигал, — Лин Си, глядя на такую переполоху, почувствовал себя неловко.

Люди переглянулись. Даже старики, проработавшие в поле всю жизнь, никогда не слышали о том, чтобы «жечь навоз».

— Ты так землю испортишь, — укоризненно заговорили они. — Молодёжь ничего не понимает. Надо у старших спрашивать, как землю обрабатывать, а не вытворять невесть что.

— Вот именно, Лин Си. Ладно бы только землю испортил, а если бы новый дом сжёг - что тогда делать? — подхватили другие.

Жители деревни наперебой принялись поучать Лин Си, не одобряя его затею.

— Вот потому, что боялся спалить дом, я здесь и дежурю, — спокойно ответил Лин Си. — У сжигания навоза много пользы: и заразу с вредителями уничтожает, и почву улучшает. Это очень хороший способ удобрения.

— Какая ещё зараза? Какие вредители? Ты о чём вообще? — крестьяне слушали с полным недоумением.

Лин Си немного подумал и пояснил проще:

— В земле и в соломе прячутся разные насекомые и их яйца. Многие из них вредят посевам: урожай сильно падает, а иногда зерно и вовсе болеет. Когда сжигаешь навоз, огонь уничтожает всех этих спрятавшихся вредителей.

Люди вдруг закивали, вспомнив прошлые годы.

— А ведь у старого Яна в прошлом году поле как раз из-за болезни пропало, — заговорили в толпе. — Сколько серебра потратил, людей нанимал, так ничего и не спасли. Вся семья тогда в слезах была.

— Точно, я тоже это помню.

— Выходит, если делать так, как Лин Си говорит, можно избежать такой беды, как у Янов?

Хотя кое-кто и обрадовался, большинство всё же считало: Лин Си - всего лишь молодой гер, который, небось, и рассаду-то толком сажать не умеет. Насколько можно верить его словам? Да только у того, кто станет действовать по его советам, голова, должно быть, копытом осла отбита. Однако в деревне и впрямь нашлись «не совсем в здравом уме» - прежде всего те семьи, что были близки с Лин Си и его супругом.

Услышав об этом, Чжао Сюцзюань пересказала всё Хо Юндэну. Тот холодно фыркнул, с пренебрежением поднял чашку и сделал глоток:

— Болтовне желторотого мальчишки тоже верят? Ну-ну, пусть потом сидят в поле и слёзы льют.

— Вот именно, — поддакнула Чжао Сюцзюань. — Какой ещё «жжённый навоз», сроду о таком не слыхивали. Приезжий, а хитростей в нём, как в кривой кишке, кто знает, что он затеял.

Хо Юндэн сплюнул чайники:

— А что ещё он может замышлять - славу да выгоду. Подождите, вот испортит людям землю, тогда ему это боком выйдет.

Глаза Чжао Сюцзюань хитро блеснули, и она нарочно, как бы невзначай, спросила:

— А если вдруг и у далана его пять му тоже пропадут, да он с этим к нам придёт...

— Тьфу! Да пусть хоть сдохнет, мне-то что! Давно уже отделились и разошлись, нечего теперь шляться и подачек выпрашивать, — Хо Юндэн с грохотом ударил ладонью по столу.

Услышав это, Чжао Сюцзюань про себя успокоилась.

А Хо Чанъань, стоявший за дверью и невольно подслушавший их разговор, крепко сжал кулаки. Стоит ли ему пойти и попытаться уговорить старшего брата?

<http://bllate.org/book/13580/1266736>